

лаборатория
творчества

ЛЮДМИЛА СОКОЛОВА

НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ

Драматические судьбы
русских актрис

лаборатория
творчества

ЛЮДМИЛА СОКОЛОВА

НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ

Драматические судьбы
русских актрис

УДК 791.43/45
ББК 85.373(2)
С59

Соколова Л. А.

С59 Невидимые миру слезы. Драматические судьбы русских актрис. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: БХВ-Петербург, 2011. — 288 с.: ил.

ISBN 978-5-9775-0685-4

В книге одиннадцать историй о замечательных актрисах — Нине Гребешковой, Наталье Гундаревой, Светлане Дружининой, Татьяне Конюховой, Алле Ларионовой, Ларисе Лужиной, Нинель Мышковой, Руфине Нифонтовой, Галине Сергеевой, Светлане Тома, Элеоноре Шашковой. Истории написаны в разной форме и манере, потому что и героини очень разные. У каждой свой жизненный путь и своя порой непростая судьба в искусстве. Книгу иллюстрируют уникальные фотографии, предоставленные героинями, а также их родственниками и друзьями. 2-е издание дополнено новыми фактами из жизни актрис с учетом прошедшего с выхода первого издания десятилетия.

Для широкого круга читателей

УДК 791.43/45
ББК 85.373(2)

ISBN 978-5-9775-0685-4

© Соколова Л. А., 2011
© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2011

Оглавление

К читателю.....	8
Благодарность	10
Нина Гребешкова: главная роль ее жизни	11
Наталья Гундарева: всегда в настоящем времени.....	38
Светлана Дружинина: исполнение желаний	63
Татьяна Конюхова: принцесса из коммуналки.....	88
Алла Ларионова: царица бала	128
Лариса Лукина: «не умею долго себя жалеть»	152
Нинель Мышкова: она обещала вернуться	173
Руфина Нифонтова: трагическая клоунесса	195
Галина Сергеева: загадка актрисы.....	223
Светлана Тома: нетипичная золушка.....	238
Элеонора Шашкова: жена Штирлица	262

*Моей маме,
СОКОЛОВОЙ ТАТЬЯНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ, —
с любовью и благодарностью*

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами книга, в которой одиннадцать историй о замечательных актрисах. Они написаны в разной форме и манере, потому что и героини мои очень разные. У каждой свой жизненный путь и своя судьба в искусстве.

Одни — забытые имена, другие же известны и почитаемы по сей день. Но подчас и за фасадом успешности скрыто столько страданий, столько «невидимых миру слез»!..

Некоторые из них живы, — и дай им Бог долгих лет без болезней и горя! Других уже нет с нами, — так помянем их добрым словом... Потому что они этого достойны. Вне зависимости от «размера» их вклада в наш кинематограф.

Странно все же устроена жизнь: можно на протяжении десятилетий играть в эпизодах и считаться «популярным», «известным» артистом. Выступать перед зрителями с годами откатанными воспоминаниями о знаменитостях, с которыми довелось встречаться на съемочной площадке. Бывать на всех фестивалях и модных тусовках. Существовать как бы за счет лица, отдельно от своей творческой биографии. И находиться при этом в полном порядке.

А можно сыграть одну-две заметные роли, блеснуть истинным талантом, полюбоваться зрителям и исчезнуть из поля зрения на долгие годы, если не навсегда.

Кто возьмется измерить, какой ценой душевных мук, разбитых надежд, сломанных судеб заплатили они за короткий миг успеха или за годы на вершине славы?..

Фильмы с их участием продолжают демонстрировать по телевидению и в кинотеатрах, но молодое поколение равнодушно пробегает глазами титры, не находя знакомых имен. А они все — конечно же, не только те, кто упомянут в этой книге, — заслужили и выстрадали право на то, *чтобы их помнили*. И не только после кончины.

В народе говорят: чтобы полюбить человека, надо его понять. Я люблю всех своих героинь. С одними — Аллой Ларионовой, Нинель Мышковой, Натальей Гундаревой, Ниной Гребешковой, Ларисой Лужиной, Светланой Тома, Светланой Дружининой, Татьяной Конюховой и Элеонорой Шашковой — судьба подарила мне незабываемую радость встреч. Других помогли понять и полюбить их близкие друзья и родные. Если вы, прочитав эту книгу, тоже полюбите их или хотя бы *поймете*, то я буду считать, что выполнила свою задачу.

Людмила Соколова

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в подготовке книги:

— главному редактору журнала «Экран» Б. Пинскому, осуществившему информационную поддержку, выраженную в предоставлении уникальных фотографий;

— Петриченко К. К.

— Козловской А. И.

— Соловьевой Н. В.

— Сулоевой Р. П.,

предоставившим материалы из семейных архивов;

— работникам музея Малого театра;

— Панковой Т. П. и Торопову А. М.,

а также ныне здравствующим героиням книги, отнесшимся к автору доброжелательно и терпеливо.

НИНА ГРЕБЕШКОВА: ГЛАВНАЯ РОЛЬ ЕЕ ЖИЗНИ

С утра все небо было затянуто молочной снежной безликой, но к полудню, как по заказу, выглянуло солнышко. Никому из собравшихся тесной группой возле одной из могил на Кунцевском кладбище не увиделось в этом ничего особенного: в этот день всегда хорошая погода. Даже если мороз и снег. Потому что под черной каменной плитой, напоминающей расколотую крышку вздыбленного рояля, покоится веселый человек, подаривший миру свои веселые фильмы — Леонид Гайдай. И приходят к нему ежегодно 19 ноября немного странные для этого места вечной грусти люди: они шутят, вспоминают веселые истории, смеются, говорят тосты, но пьют по местной традиции не чокаясь. А Нина Павловна, разложив заготовленные бутерброды, плеснет по православному обычаю на могильный холмик из своего стакана и выпьет... нет-нет, не за помин души, — это для тех, кто вспоминает Гайдая от случая к случаю. А она о чем бы ни думала, о чем бы ни говорила, все время возвращается к мужу: что бы он сказал, как бы поступил?.. Иной раз, по своему обыкновению, шутливо бранит своего Леню.

— Вот недавно с памятника отломали и украли бронзовый крест. Я говорю: «Леня, ну куда ж ты смотрел? Почему их не отогнал? Я уже подумываю, что скоро к тебе под бочок лягу, а тут опять получается, что некогда: надо памятник восстанавливать.

Вот теперь поставила черный крестик — даст Бог, не украдут. Так все время ты меня чем-то и держишь».

А потом доверительно зашептала на ухо: «А знаешь, почему памятник как бы из двух частей? Вот под той, что пониже, я для себя местечко приготовила!»

И довольно засмеялась. Уход из этого мира не видится ей большой трагедией, потому что она абсолютно точно знает, что ТАМ обязательно встретится со своим Леней.

Профессиональная актриса, обладательница яркого таланта большого диапазона от драмы до комедии, Нина Гребешкова всю жизнь не просто прожила в тени своего знаменитого мужа, — она посвятила себя служению ему и его таланту. Хотя сама не считала это подвигом. Просто когда приходилось выбирать между главной ролью на другой студии, в другом городе или эпизодом в фильме Гайдая, никогда не раздумывала. Кто-то, возможно, удивится: почему она с такой легкостью соглашалась на маленькие роли и эпизоды, задвигая себя «во второй эшелон»?.. Все просто: при деле находилась и деньги зарабатывала, да и дом надолго не оставляла.

Но, пожалуй, «роль» жены Леонида Гайдая стала самой главной в ее жизни.

СТУДЕНЧЕСКИЙ РОМАН ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

А ведь до того, как они в 1949 году познакомились с Гайдаем во ВГИКе, Нина Гребешкова успела сняться в фильме «Смелые люди». Правда, это был эпизод, но поскольку фильмов тогда выходило мало, их смотрели неслучайное число раз и каждый артист становился заметен. Все знакомые считали ее уже «кинозвездой». А она кокетливо смеялась.

Вообще, от природы Ниночка — человек веселый и легкий, несмотря на то, что жизнь ее не баловала. Росла

она в большой семье и жила с родителями и двумя братьями в коммуналке. С детства мечтала быть учительницей начальных классов, но подруга, выполняя «наказ» отца, посоветовавшего Гребешковой поступать во ВГИК, настояла попробоваться «на артистку» и даже вместе с ней повезла документы на улицу Вильгельма Пика. И к удивлению самой Ниночки (ведь конкурс был 100 человек на место!) ее сразу взяли на свой курс Сергей Герасимов и Тамара Макарова.

Семнадцатилетней девчонкой она оказалась в окружении взрослых и много повидавших людей. Некоторые из них, как Лев Кулиджанов, Яков Сегель, Василий Ордынский прошли войну. Поэтому неудивительно, что она подружилась со сверстницей, хорошенькой хохотушкой Аллочкой Ларионовой.

С первого курса Гребешкова начала активно сниматься в кино. Герасимов не препятствовал. Но, как потом говорили изучившие характер Мастера, «измен» не прощал и таких студентов в своих фильмах не снимал. Вот и подружек ни разу в свои картины не пригласил. Из-за постоянных пропусков занятий по причине съемок Гребешковой пришлось в конце концов перевестись на курс ниже. И заканчивала она ВГИК в мастерской В. Белокурова и В. Ванина, где учился на режиссера Леня Гайдай.

Но на защите диплома играла и у себя, и на герасимовском курсе, с которого ушла, княжну Буйносову в ставшем во ВГИКе легендарном «Петре I», который через тридцать лет Мастер перенесет на широкий экран. Правда, с другими, молодыми, исполнителями. А во вгиковском спектакле царя Петра играл бывший сокурсник Гребешковой и друг по жизни Коля Рыбников. По воспоминаниям тех, кто видел его работу — играл потрясающе! Вообще, Нина Павловна считает, что Рыбников «так и не сыграл тех ролей, для которых был создан».

В институте от кавалеров у Ниночки не было отбоя, один лучше другого — только выбирай! А выбрала она высокого, худого и нескладного Леню Гайдая, который к тому же был старше ее на восемь лет.

— Когда Леня ухаживал за мной, то провожал пешком от Сельскохозяйственной выставки (где на улице Эйзенштейна находится ВГИК — прим. авт.) до Гагаринского переулка на Арбате, где я жила. Это и был тогда настоящий Шурик — в очках, с книжкой. Он мне что-то все время увлеченно рассказывал, читал стихи, как Шурик в новелле «Наваждение» из «Операции «Ы». Леня очень любил Ярослава Смелякова и стихотворение «Хорошая девочка Лида» читал на вступительных экзаменах во ВГИК. Провожал-провожал, а потом и говорит как-то: «Нунок, что мы все ходим, мерзнем? Давай поженимся». Я говорю: «Да ты что?! Ты такой длинный, я маленькая — мы будем с тобой, как Пат и Паташон». А он: «Ну, ты понимаешь, большую женщину я же не подниму, а маленькую буду на руках носить». Я говорю: «Ну, если на руках будешь носить, я согласна». Причем это было как бы не всерьез, ни к чему не обязывающе — пробный камешек. Он как бы оставлял мне возможность отступить. В этом его скрываемая за шутливостью неуверенность в себе и уязвимость, понимание, что он не красавец. А на следующий день: «Ну, ты паспорт-то принесла?» Я говорю: «Зачем?» — «Ведь мы же решили пожениться!»

Так, как бы не всерьез, они и поженились 1 ноября 1953 года. И прожили потом на полном серьезе сорок лет. Ниночка привела мужа в родной дом, шестым в двадцатитрехметровую комнату. Там же у них появилась на свет единственная дочка Оксана.

Поначалу мать Нины Павловны была против их брака.

— Мама спросила, почему я выхожу за Гайдая, хотя за мной ухаживало много красивых ребят. Я сказала, что он мне нравится. Она спросила: «И ты не видишь у него никаких недостатков?» Леня был такой длинный, худой, на вид болезненный. Я отвечаю, что, конечно, у него есть недостатки, как у каждого чело-

века. А мама мне и говорит: «Если ты сможешь всю жизнь мириться с его недостатками — выходи. Но если же собираешься его перевоспитывать — напрасно потеряешь время».

Леня обожал маму за ее мудрость, за ее юмор, доброту. Он даже шутил не раз: «И почему я на тебе женился? Надо было на Екатерине Иванне». Я делала вид, что обижаюсь, поджимала губу и уходила. Но для меня у Лени не было недостатков, мне он всю жизнь казался безумно красивым.

В картине «Лавина» режиссера Ивана Солового Гребешкова сыграла тещу главного героя, на которую обижается собственная дочь: ей кажется, что мать зятя больше любит. По мнению тех, кто хорошо знает семью Гребешковой и Гайдая, Нина Павловна сыграла отчасти себя, а во многом свою маму.

— Мама тоже Леню очень любила и всегда мне внушала, что всех денег не заработаешь (это когда я на съемки уезжала или много дубляжом занималась), а за здоровьем мужа надо следить.

ГАЙДАЙ ОТКРЫВАЛ ТАЛАНТЫ... ЧУЖИЕ

В девятнадцать лет Леонид Гайдай из родного Иркутска, где играл на сцене драматического театра, ушел добровольцем на фронт. Служил в разведке, на своем худом горбу не раз притаскивал «языков», а однажды подорвался на mine. В госпитале ему собирались ампутировать ногу, он стал умолять врачей: «Как же я без ноги смогу быть артистом?» Ногу оставили, правда, за это он заплатил высокую цену: перенес пять операций, долго валялся в госпиталях, а потом всю жизнь страдал от боли в ноге. К фронтовым ранам позже прибавилась язва желудка, которую режиссер заработал на нервной почве: нелегко

быть комедиографом в Советском Союзе. Но никогда не жалел, что оставил актерскую профессию.

В Иркутском драмтеатре им. Охлопкова сохранились фотографии артиста Гайдая в разных ролях. Все признавали, что он был гениальным актером, хотя роль в кино сыграл всего одну: в фильме Бориса Барнета «Ляна». Став режиссером, он не просто подсказывал артистам рисунок роли, он их так проигрывал, что все приходили в восторг.

Те, кто видел Гайдая в дипломной работе — водевиле «Бархатная шляпка», где он играл главную роль, не могли этого забыть! Как и того, как заходились от хохота мэтры — члены госкомиссии. Говорят, Пырьев смеялся до икоты. Этот властный, авторитарный человек мог легко кому-то испортить жизнь, кого-то отлучить навсегда от любимой работы (как, к примеру, свою экс-супругу Марину Ладынину), а мог быть, как по отношению к Гайдаю, и добрым гением.

Странно переплетались в Гайдае богатый яркий и праздничный внутренний мир, особое видение красоты и жесткие оценки мира реального, жестокости которых он порой просто не понимал.

— В его картинах зашифрована его и наша жизнь! Вот героя «Операции «Ы» он назвал Шуриком — это имя Лениного брата, но он дал ему свой характер и свое мироощущение. Помните, как в новелле «Наваждение» Шурик, увидев Лиду, спрашивает: «Кто это плывет?» Леня так воспринимал людей. Он был приподнят. У него был свой мир. Он мне рассказывал, что думал в юности, что в Москве все люди красивые. Это в Иркутске обыкновенные. Когда в 1942 году он ехал на фронт через Москву, их провезли с вокзала на вокзал на метро, и он так переживал, что не увидел ни одного москвича: «А я думал, что увижу красивых людей».

Я могла сказать возмущенно о ком-то: «Это такая гадина! Он сказал о твоей картине...» А Леня поворачивался и уходил: «Я не хочу видеть тебя в таком качестве». Или вот, мы едем из Дома кино от Бело-

русской на метро. Леня тогда был еще не старый — лет шестидесяти. Он всегда очень любил и ценил красоту. Вот он говорит мне тихонько: «Нинок, там, у двери, стоит такая красивая женщина! Посмотри!» Я говорю: «Сейчас впереди выйдут, и я посмотрю». — «А вдруг и она выйдет?» — «Ну что теперь делать?» Он опускается до моего уровня и видит, что мне кроме подмышек впереди стоящих людей ничего не видно, и так удивленно-сострадательно смотрит на меня: «Нинок, да ты же ничего не видишь! Как же ты живешь?»

Я хочу сказать: не то, что он был нестандартный, — он видел гораздо глубже, четче и дальше. Своим нутром ощущал мир.

Гайдай никогда не говорил ей возвышенных, громких слов. Зато мог ласково погладить высунувшуюся из-под одеяла ногу сонной жены и умилиться: «Какая у тебя маленькая ножка!»

— Вот я у него спрашивала: «Леня, ты меня любишь?» А он удивлялся: «А разве об этом надо говорить?»

Я его понимала. Вот как-то собираемся на Новый год в гости. Я сшила себе красное платье из тафты, открытое, с какими-то золотыми бантиками, прическу сделала. И так себе нравлюсь, кручусь перед зеркалом: «Лень, посмотри. Правда, я красивая?» А он в ответ: «Нинок, ты должна понять, что ты некрасивая». Я опешила: «Как некрасивая? Зачем же ты на мне женился?» — «Но у тебя много других достоинств». Ну что с ним поделаешь?!

Но тем не менее в студенческие годы в режиссерской постановке Гайдая — отрывка из «Отца Горио» — Гребешкова играла роскошную г-жу де Несюнжен.

— Видимо, он все же очень хорошо ко мне относился.

Казалось бы, что может быть лучше для актрисы, чем муж-режиссер?

Но в первой самостоятельной работе Леонида Гайдая, сатирической комедии «Жених с того света», места его жене не нашлось. На ее долю досталось выхаживать его после того, как фильм нещадно изругали и заставили изрезать так, что он стал короткометражкой. Хотя поначалу фильм, который Гайдай назвал «Мертвое дело», худсовет принял. Но вернулся из отпуска министр культуры Михайлов, посмотрел фильм и назвал его «пасквилом на советскую действительность». Министр устроил молодому режиссеру настоящий разнос: «Вам придется положить на стол партийный билет. И кино снимать вы больше не будете».

У Гайдая открылась язва, настроение было такое, что он решил никогда больше комедии не снимать. Нина Павловна, бросив все дела, увезла его в Иркутск. Там, в родных стенах, Леонид Иович потихоньку приходил в себя. Там его посетила гениальная идея: снять фильм по стихотворному фельетону Степана Олейника о браконьерах, напечатанном в «Правде», который он обнаружил в залежах старых газет на чердаке в родительском доме.

Радостный, он прибежал к жене: «Послушай, Нинок! Бежит пес — 2 метра. Бежит Бывалый — 3 метра. Оглядывается — 1,5 метра. Общий план: бегут все — 3 метра. Трус падает — 2 метра... Правда, смешно?» Супруга, хотя ровным счетом ничего смешного в этом не видела, согласно кивала головой, чтобы не расстраивать больного мужа.

С этой идеей Гайдай по возвращению в Москву отправился к директору «Мосфильма» Пырьеву. Но Иван Александрович сказал категорично: «Если хочешь остаться в обойме снимающих режиссеров, сделай фильм на героико-революционную тему». Так, для реабилитации по сценарию Александра Галича (которому тоже потребова-

лось доказать свою лояльность власти) Гайдай снял патристический фильм «Трижды воскресший» (1959), в котором Нина Гребешкова сыграла роль Зои. А главную женскую роль сыграла ее подруга Алла Ларионова...

Фильм о героической команде маленького буксира остался незамеченным, а вот короткометражка «Пес Барбос и необычный кросс» сделала режиссера и придуманную им троицу — Труса, Балбеса и Бывалого — всемирно известными.

— Картина была закончена перед Московским кинофестивалем, и ее показали на закрытии. Наутро раздается звонок в дверь: Сережа Бондарчук. У него в руках тарелка, на ней нарисован пес и надпись «Поздравляю!» «Это, — говорит, — твоя первая золотая медаль». Он рисовал великолепно.

После этого триумфа Гайдаю станут доверять собственные постановки. Но и в прославивших его «Самогонщиках», «Деловых людях» и суперхите «Операции «Ы» его жена не будет занята.

Что должна была чувствовать женщина и актриса, когда фильмы ее мужа делали знаменитыми других? В том числе и актрис... Ведь вскоре сняться у Леонида Гайдая станет равнозначным «стать звездой».

— Лене нельзя было сказать: «Напиши для меня сценарий!» Это надо было бы расходиться, потому что он бы понял, что живет не с тем человеком. Бывало, знакомая актриса приносила ему сценарий, хотела, чтобы он его поставил, хотела у него сниматься... Он читал, но страдал, потому что был очень деликатным человеком и не мог сказать, что не хочет ее снимать, потому что она «не его актриса». Тут уже я шла на выручку: «У него дома сидит актриса. Но я рта не могу открыть, чтобы что-то ему навязать. Как можно подавлять его индивидуальность?»

Ну, на этом наша дружба с гостьей обычно заканчивалась. А Леня всегда делал только то, что хотел.

Я понимала: чтобы играть в его картинах, надо быть актером таким, как Георгий Вицин, как Наташа Селезнева с ее фактурой, такой как Наташа Крачковская...

И жена Гайдая будет много работать на разных киностудиях, у других режиссеров.

ЭПИЗОДЫ, ЭПИЗОДЫ...

— Вот у Георгия Данелия в фильме «Слезы капали» я сыграла Зинаиду Галкину — «жену» Леонова. И я там, видимо, хорошо сыграла, потому что режиссер Игорь Таланкин, посмотрев рабочий материал, воскликнул: «Оказывается, у Гайдая такая талантливая жена!» Мне передали его слова, и я такая гордая ходила. А практически всю эту линию Гия вырезал. И по дороге на просмотр в Дом кино признался: «Нина, я тебя сильно порезал». Но я не могу на это обижаться: значит, режиссеру так надо. Ведь актер никогда не знает, что войдет в картину, а что — в корзину. Каждый раз загадка, что от тебя останется. Ты отдаешь себя полностью в руки режиссера: он может тебя поднять, а может и уничтожить. У меня никаких амбиций нет. Это Леня меня так воспитал. Я люблю людей таких, как Георгий Данелия, — талантливых, искренних, доброжелательных. Он тогда, как бы в компенсацию, пообещал мне, что в каждой своей новой картине будет давать работу, и слово держит.

Я вообще ни от чего не отказывалась, не выбирала: приглашают — надо работать. Надо все время быть в работе. Бывает так, что сегодня актер востребован, а потом начинает выбирать: теперь буду только у Райзмана сниматься. А Райзман не зовет! И тогда

он выпадает из обоймы. Помню, снялась уже в «Бриллиантовой руке» — казалось бы, уже есть чем гордиться, иду по студии (у меня был дубляж индийского фильма), а навстречу Стасик Росточкий. Спрашивает, как, что. А я у него спрашиваю: есть что-нибудь для меня? Он говорит, что снимает молодежный фильм и предлагает учительницу без текста. Но в «солидной массовке». Я тут же соглашаюсь. И он в эпизоде посадил меня в учительской перед телефоном. Я уже придумываю: черт с ними с сочинениями — мне надо замуж выходить! Звонит ОН, и я начинаю щебетать-кокетничать, — и сразу сложился характер, получился образ. Можно сыграть главную роль, и непонятно будет, что за характер. А эпизод сыграть очень трудно.

Ее Аллочка из «Доживем до понедельника» запомнилась, как и вся «солидная массовка» любимого не только молодежью фильма.

Эпизоды Гребешковой были, можно сказать, основным заработком в семье, помогли за кооператив в доме «киношников» на улице Черняховского расплатиться. Как-то Нина с мужем, шутки ради, по партбилету Гайдая подсчитают, сколько он заработал за все время, и Леонид Иович опешит: «Нинок, а на что же мы жили?» За свой последний фильм «На Дерибасовской хорошая погода...», к примеру, Гайдай получил меньше, чем его супруга за эпизод в незавершенном фильме Леонида Филатова «Любовные похождения Толика Парамонова». Хотя известный и любимый народом кино-режиссер был одним из самых кассовых в стране и постоянно находился в работе: то снимал, то очередной сценарий писал... Не отдыхал никогда, оставляя все на потом.

— Он домой приходил и молчал. Я думаю, что он так расслаблялся. Ему было здесь хорошо. Во-первых, никто его здесь не трогал. Никто не заставлял ничего делать. Это было просто невозможно. Вот пример: когда было трудно с продуктами, я увидела, что возле

дома с машины лук продают. Прошу: «Леня, возьми свою „инвалидную“ книжку и купи хоть килограмм лука». Муж берет авоську и уходит. Его нет часа четыре. Я спрашиваю по возвращению: «Ты что, в очереди стоял?» «Нет, — отвечает, — я очередь занял и подошел к продавцу. И когда инвалиды подходили, я показывал свою книжку и говорил, что тоже инвалид, но ведь стою же в очереди». Я говорю: «Тебе надо было в другую сторону показывать свою книжку!» — «Ну, понимаешь, Нинок, стоят старушки замерзшие, а подходят мужики здоровенные — все инвалиды». У него было обостренное чувство совестливости и справедливости... Он характеры для своих героев в таких ситуациях подмечал. Помните, Моргунов сыграл такого инвалида в «Операции «Ы»: «Кто инвалид?» — «Я!» Леня ненавидел... нахрапистость! Спрашиваю, что ж купил всего килограмм лука? — «Ну, ты же сказала столько».

Это были времена «продуктовых наборов», Леня называл их «пайками». Как-то на студии давали пайки, и я знаю, что там должна была быть курица. Приходит Леня домой, спрашиваю: «А где же курица?» А он: «Нинок, ну как же я мог? Никому больше не положено, вот я и разделил паек в группе: все тянули жребий. Но я поставил условие, что икру беру себе!» И с гордостью протягивает мне баночку икры.

Вы понимаете, какой это был человек? Это же такое счастье прожить с этим «идиотом»! Не любить его было нельзя.

По возрасту Гайдай был старше жены, но по жизни оказался сущим ребенком. Поначалу она периодически взрывалась, пыталась его «воспитывать», частенько сетуя, что надеяться ей не на кого. А он обескураживающе отвечал: «Нинок, ну что делать?»

— Я его считала просто глупым человеком. В бытовом смысле. Что ему ни поручи — он делал не как

все, не вникал. А просто ему это было не интересно. А я всегда была настоящей домашней хозяйкой, все умею: прибить, ремонт сделать... Я люблю, чтобы все, что меня окружает, было идеально. Буду тереть, полировать...

Вот мы машину купили. Я не только на ней ездила, но и за ней ухаживала. Думала, что Леня это все даже не замечает, а он как-то сказал знакомой женщине: «Как вы можете ездить на такой машине? Вы посмотрите, в каком идеальном состоянии машина у Нины! У нее нет ни одной капли ржавчины. Вы пойдете, она вам расскажет, как это надо делать!»

Или вот: построила я дачу. Поставила печку. Своими руками все полировала, шкурила. А он подходил, гладил кладку и говорил: «Ты подумай, ведь это же ты все сама?!» Гордился.

Его невозможно было уговорить пойти в магазин купить новый костюм или обувь. «Нинок, сходи сама!» Я иду, выбираю, на себя мерю, смотрю, чтобы рукава были на «столько» длиннее... Покупаю и договариваюсь обменять, если не подойдет. Он надевает и радуется: «Слушай! Идеально!» Ботинки покупала, проверяла, чтобы подошва хорошо гнулась, чтобы были легкие — ведь нога-то раненая. Он обует: «Вот здорово!» И все. Меня это раньше злило: ну, что бы самому не поехать, померить? Куплю новый костюм, и он будет висеть в шкафу, а Леня опять ходит в старом. Я ругаюсь, а он говорит: «Нинок, он счастливый. И потом, я там ложусь на пол...» Приходит какой-нибудь торжественный момент или день рождения, и он надевает новый костюм, рубашку — а обычно ходил в свитерах — и говорит: «Ну, что, похож я на колхозника?» Потом приходит счастливый и рассказывает: «Все мне говорили, какой я сегодня красивый! А если бы я каждый день так ходил, то никто бы этого не заметил».

Леня совершенно был неприспособлен в бытовом плане. Вот, вызывает его как-то Пырьев и спрашивает

ет: «Что тебе: дать звание или категорию повысить?» Мой «практичный» муж отвечает: «Конечно, категорию». Потому что это означало прибавление в деньгах. Приходит домой и с гордостью мне об этом сообщает. А я говорю: «Если бы тебе дали звание, то тут же повысили бы категорию!» — «Да? Это я промахнулся».

Но званиям и всяким «цацкам» Гайдай никогда не придавал значения. Вот и свою жену регулярно вычеркивал из представления к званию, объясняя, что ему, как председателю тарификационной комиссии, как-то неудобно ее выдвигать. И ее приучил так же смотреть на эти вещи. Поэтому звание Заслуженной артистки России Нина Павловна получила только в конце 2001 года.

Когда им доводилось вместе участвовать в творческих встречах или еще каких-то мероприятиях, Леонид Иович просил, чтобы их объявляли просто: «Режиссер Леонид Гайдай и актриса Нина Гребешкова». У него всегда было обостренное чувство такта по отношению к окружающим. И болезненная скромность.

— Он никогда никого не обсуждал. Когда критиковали Леню и его фильмы, я закипала. Могла в запале сказать, что просто бы расстреляла этого человека. А у него в этот момент глаза становились больше очков, и он говорил: «Нунок, ну он такой! Не приглашай его в гости, не пей с ним чай. Но не убивать же его?»

Тем не менее, Нина Павловна подчас смело шла в рукопашную, чтобы защитить мужа. Как-то возвращались они затемно. А перед их домом был большой пустырь и котлованы под будущие стройки. И тут перед ними появляется парочка то ли грабителей, то ли хулиганов. Гребешкова с ужасом понимает, чем это может обернуться: будут грабить — Гайдай не стерпит. И уже в голове картинки: то муж раненый лежит, то его имя в связи

с дракой в газетах ославлено... И с криком бросается на обидчиков, хлеща их сумочкой. Естественно, все ее содержимое рассыпается в пыли. С досады от потери любимой помады маленькая женщина еще яростнее насккивает на верзил. Тут и милиция подоспела. Но на месте разбираться не стала, а всех забрала в отделение. Там все и выяснилось. Вот уж от души посмеялись милиционеры над незадачливыми грабителями! Супруги потом тоже хохотали, переживая это событие, ползая по земле в темноте в поисках ключей и нужных дамских штучек, разлетевшихся в разные стороны.

— *Я за него могла глотку перегрызть!*

Как-то предложили ей большую роль на студии им. Довженко. Спрашивает у мужа, соглашаться или нет. Он ей свое обычное: «Решай сама, Нинок». Но чувствовала жена, что настроение у супруга испортилось. Гайдай в это время работал над «Кавказской пленницей» и собирался в экспедицию. Ей там нашлась всего лишь эпизодическая роль врача психбольницы. Но все творческие мечты Нины Павловны перевешивали мысли: как муж со своей язвой будет там питаться, что он опять будет забывать о больной ноге... И она едет с ним на Кавказ. Не отдыхать, а работать, что для них естественно, и помогать ему. Мало кто обратил внимание на то, что свою героиню в этом фильме Гайдай назвал Ниной. Объясняться в любви супруге он не умел, но с той поры крылатая фраза «студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица» навсегда соединится в народной памяти с дорогим для него именем.

Обычно Леонид Иович доверительно рассказывал жене обо всем, что происходило на съемочной площадке или в киногруппе.

— *Первое, что я делала, когда он приходил домой, кормила его, а потом он мне рассказывал.*

Порой жаловался, когда подводили, плохо работали. Сильно уставал не столько от работы, сколько от непрофессионализма. Выкладываясь на все сто, он не понимал, как можно иначе относиться к делу. Жена утешала: «Да разгони всех к чертям! И набери новых». Сам Гайдай по складу характера не то что никогда голоса не повышал, но даже при необходимости распечь нерадивого сотрудника не мог. Единственное замечание, которое он себе позволял: «Вот Нина Павловна советовала мне вас всех поувольнять!» Но супруга не обижалась, что он делал ее «стрелочником».

БОЛЬШОЙ РЕБЕНОК ГАЙДАЙ

Леонид Иович был не прочь иногда выпить. Кстати, ничуть не больше нормальных людей. Но Гребешкова, очень переживавшая за его здоровье, этого не поощряла. Потому, когда находился повод для рюмочки-другой, он просил в группе: «Только не говорите Нине Павловне».

— В детстве Леня не выговаривал «р» и «л». Но для того, чтобы стать актером — научился. А стоило ему выпить, у него заедало. Вот я и придумала для него тест на трезвость: «Скажи-ка параллелограмм».

Создавалась видимость, которую он сознательно культивировал, будто он побаивался свою «грозную» жену. Хотя и на самом деле ее авторитет в бытовых вопросах был для него непререкаем. Было время, когда они с друзьями ночами просиживали за картами. Леонид Иович был страшно азартным человеком, а Гребешкова умела прекрасно владеть собой, что и позволяло ей с непроницаемым видом частенько блефовать. И выигрывать. Но как-то ей так жалко стало потраченного впустую времени, что раз и навсегда отрубила: «Все!» С той поры ни в гостях, ни дома в карты они не играли. Правда, свою страсть

Гайдай нет-нет и выплескивал на стороне: в зале игровых автоматов.

— В Америке, когда мы поехали в экспедицию «На Дерибасовской...», он вдруг предлагает мне деньги разделить. Я спрашиваю зачем? Объясняет, что хочет что-то для машины купить. Я прекрасно понимаю, что хитрит, но соглашаюсь. Приезжаем мы с Лас-Вегас, а там в аэропорту стоят «однорукие бандиты». Леня сразу к ним. Бросает — выигрывает, бросает — выигрывает!.. Все просто в изумлении. А потом проиграл все. Приходит скукоженный: «Нинок, дай мне доллар, а я тебе принесу десять». Ну, как ребенок. Я ему говорю: «Ты же сам предложил разделить деньги! Я рассчитываю на свои что-нибудь себе купить, Оксанке». А самой его так жалко, — я ведь его обожала! Понимала, что это как трехлетнего ребенка лишить игрушки. Даю. Уходит. Через пятнадцать минут возвращается, мнетя. Спрашиваю: «Ну, и где деньги?» — «Я тебе в Москве отдам».

В этом он весь! Непостижимый. Про него можно рассказывать самые невероятные случаи.

И она охотно рассказывает. Не о себе, а все о нем, о своем Лене.

О том, к примеру, что Гайдай всю жизнь любил животных. И они отвечали ему взаимностью. Мог в ресторане огоршить сидящих за одним с ним столом, даже если это были иностранцы: «Вы это не будете доедать?» — и старательно все собирать с тарелок, чтобы накормить бездомных собак. О своей собаке мечтал долго.

— Лет пять мы все об этом говорили. Покупали книги, изучали породы. А тут дочкин одноклассник (впоследствии жених и муж — прим. авт.), предложил щенка фокстерьера. Леня с Оксанкой сразу рванули и принесли на ладошке маленького щеночка. Назвали

его Ричи. Я их строго предупредила, чтобы в комнатах собаки не было. Ночью просыпаюсь, а Лени рядом нет. На кухне горит свет. И вижу такую картину: сидит на полу мой Леня и, привалившись к столу, спит. А на его вытянутой больной ноге спит щенок. Я как фурия: «Что происходит?» А он: «Нинок, она так плакала!» Ну, что тут скажешь? Так он три ночи с ней и просидел.

Леня так любил Ричи! Он играл с ней, как маленький! Из своей тарелки приносил ей мозговую кость. Она начинала есть, а он становился на четвереньки, рычал и загонял ее в угол. Ричи, вероятно, это надоедало: она приносила ему кость, клала ему под ноги и уходила, высоко подняв голову. Обожал он ее безмерно.

Гайдай много возился с собакой и придумал потрясающий трюк, достойный того, чтобы вставить его в картину. У него в комнате в определенном порядке, который никому нарушать было нельзя, лежали газеты, которые семья во множестве выписывала.

— Леня быстро уставал от занудливых гостей, а выгнать — не позволяло воспитание. Тогда он заводил разговор: «Ты читал статью о (следовала какая-то тема)?.. Да, я лучше тебе сейчас покажу». Звал Ричу и говорил: «Принеси-ка мне „Литературную газету“». Рича понимала слово «газета» и — цок-цок — приносила верхнюю газету из стопки. Леня разворачивал: «Здесь нет, и здесь... Неужели я ошибся и это в „Вечерке“? Рича, принеси-ка мне газету „Вечерняя Москва“...» И так повторялось пять-шесть раз. Гость совершенно обалдевал: «Она у вас что, читать умеет?» А Гайдай хитро посмеивался: ему уже не было скучно.

Когда Ричи внезапно умерла, он переживал безмерно, плакал. И хотел опять собаку завести. Но я наотрез отказала. Он попросил: «Ну, давай тогда кошку». Я говорю, что устала скрести ковер от шерсти. Он согласился. А когда его не стало, приехала внучка

Ольга и сказала фразу, которую говорил Леня: «Вот ты такая умная, все знаешь, но как ты можешь воспитывать ребенка без животных? Ты должна мне завестить собачку или кошечку». Ну, я сказала: «Ладно, не для себя, не для тебя, а во искупление вины перед Леной, возьму кошку. Но только условие — гладкошерстую».

Насколько последовательна Нина Павловна в своих категорических утверждениях, можно судить по неопи-сваемой красоте «дымчатому облаку» на лапках — супер-породистой кошке Глэдис, в просторечье Глашке. Она в последнее время ужасно устала от нашествия репорте-ров, ревниво относится к появлению чужаков, даже если они пристают к ней с нежностями, и несмотря на «голу-бые кровя» цапнуть может так, что мало не покажется. Хотя хозяйка считает: «Она такая деликатная. Это про-сто человек».

Видимо, Глашке просто надоели посторонние люди... Животному проще выразить свое недовольство происхо-дящим, деликатному человеку приходится терпеть.

Гостеприимная хозяйка и чаем с вкуснейшим пирогом своего изготовления попотчует и будет терпеливо, «в со-тый раз» отвечать на вопросы. Ей до сих пор кажется, будто все, происходившее с ней вне понятия «Гайдай», не заслуживает внимания. Хотя кроме эпизодов были у нее и заметные роли: Рая в «Беспокойной весне» (1956); сестра героя из сказки «Звездный мальчик» (1956); Татьяна из «Муму» (1958), в которую был влюблен немой Герасим; Катя из «Жизни сначала» (1963); Лена из «Острова Оль-ховый» (1964); мама героя фильма «Приключения Толи Клюквина» (1965) и др.

С «Кавказской пленницы» Гайдай станет снимать супругу во всех своих фильмах. Но в основном в эпизодах. Как-то со словами: «Почитай: там есть для тебя роль», — даст ей сценарий «Бриллиантовой руки».

— Он написал сценарий с постоянными соавторами Морисом Слободским и Яковом Костюковским. Я читаю. Ну, Анну Сергеевну играть не могу — я же некрасивая (как раз и навсегда внушил ей любящий супруг — прим. авт.), но домоуправшу Плющ ведь могу! Характер интересный. А он говорит: «Нет, ты будешь играть жену Горбункова». Поначалу я даже обиделась: «Леня, там же нечего играть: ничего не выписано. Какая-то она бледно-розовая!» А он категорически: «Вот такая и должна быть жена!» В общем-то, я такой женой и была.

После этого фильма Нина Гребешкова стала «Идеальная жена № 1 Советского Союза». Которая все понимает, мужа отдыхать отправляет со словами «шуба подождет». И, обнаружив пистолет, сокрушается: «Он такой доверчивый!..» И напомнит о нем мужу, достанет из банки и по-хозяйски оботрет фартуком, провожая своего Сеню на «здание». Просто мечта всех мужиков!

— А какие мне письма писали после этого фильма!.. Особенно много почему-то из мест лишения свободы. «Хочу такую жену!» Причем мне — оригинал, а директору студии — копию.

Даже после успеха актрисы Гребешковой в «Бриллиантовой руке» режиссер Гайдай в последующих фильмах будет занимать ее лишь в маленьких ролях и эпизодах. В «12 стульях» Нина Павловна сыграет Мусика Брунс и «царицу Тамару» из горячечного бреда отца Федора.

И, наконец, в первой новелле фильма «Не может быть!» порадует заметной ролью Анны Васильевны. «Какая женщина! А как ногу прямо кладет: ать-два!» — будет рекламировать ее брат соседу.

В фильме «За спичками» Нина Гребешкова сыграет роль жены Хювяринена, а в «Спортлото-82» — колоритную тетю Клаву, в разгар курортного сезона умудряющуюся сдавать чуть не каждый метр своей жилой и нежилой площади. Появится она в фильмах супруга «Опасно для жизни» в роли Зинаиды Петровны, в «Частном детективе» — Анны Петровны. А в последнем фильме Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода...» мелькнет на экране не лишь на несколько секунд, объясняя дорогу на Брайтон-Бич отважному советскому разведчику Федору Соколову, герою Дмитрия Харатьяна.

А вот в самом своем любимом фильме Гайдая, «Иван Васильевич меняет профессию», для нее не найдется даже эпизодика.

Наверное, все-таки Леонид Иович сознавал, что поступал не совсем правильно по отношению к хорошей актрисе Гребешковой, потому что незадолго до смерти сказал жене: «Нинок, а я ведь перед тобой виноват: ни одной картины для тебя не сделал». И в своей привычной шутиливо-ворчливой манере она ему ответит: «Да что ты! У тебя сколько фильмов? Восемнадцать? А у меня — шестьдесят».

Своих женщин Леонид Гайдай приучил к самостоятельности. Вот и у дочери Оксаны, которая после школы засобиравшись замуж, спросил: «А где вы собираетесь жить? На что?» Оксана с мужем учились и работали и никогда ни о чем родителей не просили. Отец переживал молча, в себе. Иногда спрашивал жену: «Может, у них денег нет? Давай дадим!» Нина Павловна в воспитательных целях «держала лицо»: «Попросят — дадим». Но они не просили. Даже когда появилась Оля. Долгое время дочь с зятем и внучкой жили и работали за тридевять земель: в нашем торгпредстве в Индонезии. На родине бывали